

романтического творчества¹. А эта последняя состояла в первую очередь в упорном отказе признавать эстетическое значение любой практической деятельности, о чем с глубокой проникательностью писал еще Герцен — факт, подчеркнутый нами в другом сообщении². Романтический бунт иссяк сравнительно быстро; превращаясь в шумливое, но бесплодное сетование, он, естественно стал восприниматься с порицанием, и даже с отвращением.

Несколько забегая вперед, чувствуем необходимость уточнить, что отнюдь не входит в наше намерение сводить понятие «реализм» к характерным чертам послеромантического реализма XIX века. Наоборот, еще одной помехой на пути адекватного определения реализма мы считаем и зачастую свержающуюся почти незаметно подмену его содержания одной из его разновидностей³, сколь значительной не была бы таковая с историко-литературной точки зрения. Так например, известный теоретик Б. Сучков в своей книге *Исторические судьбы реализма* считает сущностью реалистического метода социальный анализ, причинное понимание действительности и объективно-аналитическое её изображение, ведущее к типизации⁴. Комментируя эти выводы, Л. Тимофеев видит в перечисленных особенностях «те общественно-исторические экстра-факторы, которые на протяжении веков определяют развитие в капиталистическом обществе реализма»⁵. Мы думаем, что вернее было бы видеть в этих характерных чертах основные особенности послеромантического реализма XIX века. Но тогда само собой разумеется, что они неприменимы для определения реализма вообще. В той же мере нам кажется не плодотворной и противоположная позиция при которой реализм вообще сводится лишь к одной из его разновидностей, ибо воспринимается лишь как литературное течение такой же историко-литературной значимости, как любое другое течение⁶. С нашей же стороны мы особо остановимся на «сражении

¹ Мы сознательно обошли вопрос о разграничениях внутри романтического искусства, несмотря на то, что он трактуется как центральный многими исследователями. А поступили мы так потому, что считаем соответствующие разграничения внелитературными. Конечно, с точки зрения истории литературы в ее самой общей форме представляет интерес, какой именно идеал противопоставлял действительности тот или другой романтик — тоску по прошлому, или, может быть еще неясное, стремление к лучшему будущему. Но с точки зрения соотношения «романтизм — реализм» этот аспект вопроса не представляет интереса. И так называемые «реакционные» романтики и прогрессивные выступали в одинаковой степени, как антиреалисты.

² *Herzen scriitor* в журнале «Studii și cercetări de istorie literară și folclor», XI (1963) №. 1 — 2, стр. 123 — 130.

³ Путаница, против которой мы предупреждаем было подмечено и Р. Якобсоном еще в 1921 г. в статье *О художественном реализме*, перепечатанной в «Théorie de la littérature», Paris, 1965, стр. 98 — 108.

⁴ Б. Сучков, *Исторические судьбы реализма*, Москва, 1967, стр. 11 — 24.

⁵ Л. Тимофеев, *Метод живой, движущийся*, «Вопросы литературы», Москва, №. 1/1968, стр. 4.

⁶ «Реализм и натурализм, в драме и романе, — пишут, например, американские теоретики Р. Уэллек и А. Уоррен, — это не более чем литературные или философско-литературные движения, усложности, стили, как и романтизм или сюрреализм. Различие между ними соответствует не различию между действительностью и иллюзией, а различию между разными концепциями о действительности и разными типами иллюзий» (Рене Уэллек и Остин Уоррен, *Teorie literară*, Бухарест, 1967, стр. 282).